— Особенно такое, жидкое да пресное… Эм, постой! Вкусно?! Как… как вам вообще удалось добиться текстуры рыбного заливного?! Директор Ли, как у вас получилось сделать эту курицу такой мягкой, ароматной и буквально тающей во рту?

Ли Вэйду мстительно ухмыльнулся: «Думал, сможешь капризничать за едой? Я отучу тебя привередничать».

На следующий день на обед директор Ли пообещал, что мясо будет обязательно.

В итоге обещанным мясом оказалась тарелка фирменных запечённых куриных крылышек по-орлеански от директора Ли.

Цзи Кай: «Обманщик! Наглый обманщик!»

Хотя крылышки выглядели аппетитно поблёскивающими и невероятно соблазнительными, Цзи Каю всё же до безумия хотелось умять пару сочных кусков тушёной свиной грудинки.

Впрочем, крылышки оказались безумно вкусными. Сметя всю тарелку, он остался в полном восторге, хотя и не наелся вдоволь.

На третий день директор Ли приготовил «байчжаньцзи» — отварную курицу с нежной кожицей и сочным мясом, подав её с соусом из зелёного лука, соевого соуса и тёртого песочного имбиря.

И снова Цзи Кай сначала сопротивлялся, а потом с потрохами сдался невероятному вкусу. Впрочем, словосочетание «отварная курица» вызывало у него слишком тяжёлые ассоциации, так что ощущение оставалось весьма неоднозначным.

«Съем тебя! Заклюю тебя! Заклюю и съем!»

— Всё ещё будешь утверждать, что курица — не мясо? — спросил Ли Вэйду.

Цзи Каю нечего было возразить:

— Мясо, мясо! Но, директор Ли… кхм… у вас что, какой-то пунктик насчёт курятины?

Какая бы вкусная ни была, нельзя же есть её каждый день!

— Ладно. Завтра приготовлю рыбу.

Цзи Кай тут же сник и перепугался:

— Директор Ли, с рыбой… с рыбой у меня правда никак! Для меня рыба — всё равно что вегетарианская еда! К тому же, вам же потом ещё и кости из неё вытаскивать, чтобы меня кормить… Не лучше ли…

— Паровой морской окунь полезен для заживления ран.

«…» Я весь день лежу пластом и жду эти пару приёмов пищи как единственную радость в жизни! За что вы со мной так?! Зачем кормить меня травкой?!

— Продолжаешь отказываться? Да отказывайся сколько влезет, — Ли Вэйду холодно ухмыльнулся и произнёс невероятно высокомерную фразу, которую Цзи Кай когда-то слышал в кулинарном шоу от мишленовского шеф-повара: — Я заставлю тебя по-новому взглянуть и по-

настоящему полюбить каждый продукт, который ты раньше терпеть не мог.

…

— Ещё кусочек. Как вкусно… Ну почему это так вкусно?

Легендарный ауха в форме белки. Мало того что вкусно, так ещё и выглядит красиво! Да и кости все вычищены до единой. В итоге Цзи Кай уплетал рыбу большими кусками.

Доев с блаженным лицом, он произнёс:

— Директор Ли, но я… всё ещё хочу тушёную свинину.

— Вот и не приготовлю.

Цзи Кай: «…»

Однако на следующий день…

— Фирменная тушёная свинина с редькой и чайными грибами.

Хе-хе, вот насколько у директора Ли «нет принципов».

Южная Америка, столица Перу — Лима.

Прозрачное небо казалось бескрайним и ярко-синим, отсвечивая на шпилях величественного собора эпохи испанской колонизации. Чжу Лин помнил, как Цзи Кай ещё дома говорил, что на другом конце Земли есть два места, которые он мечтает посетить, если выпадет хоть малейшая возможность.

«Город-зеркало» в Боливии и «Небесный город» в Перу.

Раньше Чжу Лин относился к этому со скепсисом: какие ещё «Небесный город» или «Затерянная обитель богов»? Скорее всего, обычный рекламный трюк. Кто бы мог подумать, что Цзи Кай, прочитавший столько книг, попадётся на удочку туристических завлекалок.

Однако когда съёмочная группа действительно прибыла в Мачу-Пикчу, прозванный «Помпеями Южной Америки»…

Своими глазами увидев древние инкские руины среди сочной зелени меж двух величественных вершин — скрытые в игре света и тени многовековые постройки, храмы, сады, переходы и террасы — Чжу Лин был настолько потрясён видом разрушенных, но грандиозных памятников прошлого, что долго не мог вымолвить ни слова.

Под бескрайним куполом небес время умолкало, и лишь камни продолжали свой вековечный сказ.

В свисте проносящегося мимо ушей порывистого ветра он, такой ничтожный, вдруг почувствовал себя крошечным муравьём — смешным и жалким существом.

Он погряз в удушливых огнях большого города, захлебнулся в работе, полной бешеных нагрузок и стресса.

Ради сиюминутных соблазнов и роскошной жизни его эго раздулось до предела, породив кучу

эгоистичных желаний. Заносчивость, обман, вседозволенность… Ему казалось, что он владеет всем миром, но в итоге он потерял единственное, что имело настоящую ценность.

…Разве жить просто и искренне — это плохо?

В чём заключалась его первоначальная цель? О чём он думал три года назад, когда ещё не был знаменит?

Тогда он мечтал лишь зарабатывать деньги, писать песни, а построив карьеру и скопив капитал, взять брата Кая за руку и с рюкзаком за плечами отправиться путешествовать по миру. Сделать остановку, оглянуться в любой момент — и увидеть сияющую улыбку своего Медвежонка.

Когда ветер утих, ему стало очень холодно.

Чжу Лин молча опустил голову. На душе было пусто, хотя солнечные лучи грели тело почти обжигающим теплом.

…

Все эти дни он непрестанно думал о том, что когда вернётся, когда-нибудь потом, когда Медвежонок наконец простит его, он столько всего успеет ему рассказать.

Ему хотелось рассказать Цзи Каю о том, сколько всего необычного случилось с ним на чужбине, сколько всего нового он увидел и услышал. Он бережно записывал истории в свой блокнот, надеясь при первой же возможности перелистывать его страница за страницай вместе с ним.

Еда в Перу на самом деле оказалась очень вкусной, ведь основу рациона тут составлял рис, что сближало местную кухню с китайской. Поговаривали, что в середине XIX века около ста тысяч китайских рабочих пересекли Тихий океан и прибыли сюда; вместе с многочисленными иммигрантами из Японии и Испании они обогатили местную кухню разнообразием мировых вкусов.

И люди в Перу были невероятно простыми и душевными, с характерным для латиноамериканцев дружелюбием, открытостью и пылким нравом. Однако из-за пропасти между богатыми и бедными и отсутствия ограничений на ношение оружия в стране регулярно происходили ограбления и нападения.

Особенно в последние годы, когда мир стал неспокоен и расплодились экстремистские расистские группировки. В один из дней, когда у съёмочной группы наконец случился выходной, Чжу Лин оказался в самом центре Лимы — на площади, заполненной туристами и торговцами, — где не посчастливилось стать свидетелем жуткого теракта: террористы на машине въехали на тротуар и открыли беспорядочную стрельбу из автоматов.

Толпа с криками бросилась врассыпную, а раненые падали в лужи крови прямо у него на глазах.

Вернувшись в съёмочную группу ни жив ни мёртв, он достал телефон и долго просидел в ступоре. В конце концов не сдержался, набрался храбрости и позвонил Цзи Каю. Вызов прошёл, но на том конце просто безапелляционно сбросили звонок.

На душе стало тяжело, обидно и тоскливо.

«Брат Кай, брат Кай, если бы ты только знал! Преступники были совсем рядом. Если бы добрый человек не втащил меня в магазин, я мог бы получить ранение или даже погибнуть.

А тебе всё равно…

В последнее время я так старался, перенёс столько трудностей, а тебе всё равно.

Меня на чём свет стоит ругал режиссёр, а я со слезами на глазах учил сценарий, ходил по пятам за опытными актёрами, советуясь и учась у них, засиживался до ночи за книгами и многое понял.

Брат Кай, я правда изменился! Я сделаю всё, чтобы ты как можно скорее увидел меня обновлённым. Ты ведь знаешь меня, и когда придёт время, ты точно поймёшь всю серьёзность моих намерений».

Чжу Лин и не подозревал, что в тот день с холодным лицом скинул его звонок вовсе не Цзи Кай, а Ли Вэйду.

На телефоне всё ещё оставались следы крови. Его Медвежонок в этот самый момент лежал на операционном столе, и жизнь его висела на волоске.

…

Новость о том, что съёмочная группа попала под теракт в Южной Америке, продержалась в топах отечественных трендов не меньше недели, а поклонники обрушили на них волны переживаний и пожеланий.

Однако Цзи Кай благополучно пропустил всё это мимо ушей и глаз.

В больнице делать было совершенно нечего, к тому же обе руки временно недееспособны — даже телефон не поскроллишь. Казалось бы, кроме как есть, пить и смотреть новости по телевизору, заниматься вообще нечем.

Но нет.

Потому что с недавних пор у Цзи Кая появилось новое увлечение — «эстетическое созерцание рук Ли Вэйду».

Вот, к примеру, сейчас директор Ли чистит мандарин. Солнечные лучи с подоконника освещают один полупрозрачный ломтик за другим, а длинные, точёные пальцы ловко сжимают их… Хм, да это гораздо приятнее для глаз, чем любой дурацкий сериал!

Раньше Цзи Кай стопроцентно не был фетишистом по части рук.

Если бы адвокат Цзо Янь из его ленты друзей, ярый фанат красивых рук, не твердил день и ночь: «Руки, руки, руки!», — он, наверное, за всю жизнь не обратил бы внимания на чьи-либо кисти.

Цзо Янь обычно говорил:

— Для меня, если у человека красивые руки, то его внешность автоматически получает максимальный балл. Даже если нет, всё равно максимальный.

Поговаривали, что именно руки торакального хирурга Ли Минсиня являлись для Цзо Яня

идеалом.

И благодаря этому его внешность тоже казалась ему безупречной. Цзи Кай считал, что в этом нет совершенно никакой логики: да, руки, держащие скальпель, выглядят привлекательно и соблазнительно, но доктор Ли сам по себе почти на высший балл красив! А тут ещё и сдержанно-строгий белый халат прибавляет шарма. Так что, как ни крути, лицо всё-таки важнее!

Фетиш на руки был ему абсолютно недоступен!

Но в последнее время у него словно глаза открылись.

А началось всё в тот день, когда новая медсестра-практикантка пришла рано утром ставить Цзи Каю капельницу.

Ли Вэйду сидел на краю кровати и как раз только что очистил для него очередной мандарин.

http://bllate.org/book/18382/1767708